

Е. В. Первалова

ВОЙНЫ И МИГРАЦИИ СЕВЕРНЫХ ХАНТОВ (по материалам фольклора)

В фольклоре нижеобских угров сохранилось множество легенд и преданий, отражающих формирование северной группы хантов¹. Они включают данные о миграциях в северное Приобье различных угорских групп, многообразные свидетельства военных столкновений северных хантов как с самодийцами, так и со своими соплеменниками. Порой может показаться, что средневековое северное Приобье представляло собой театр непрерывных военных действий.

Северные ханты считают, что на территории северной тайги Приобья прежде проживали самодийцы *ур ёх* («лесной народ» или «дикий народ»), которых вытеснили пришедшие на эти земли предки угров — *мось ёх*. Войны между *мось ёх* и *ур ёх* носили затяжной характер; в конце концов, самодийцы *ур ёх*, не сумевшие устоять против пришельцев, частично отступили к устью Оби и верховьям ее притоков, частично были ассимилированы уграми. Позже северным уграм пришлось обороняться от своих же западных и южных соплеменников. Первые известны в фольклорных материалах как *лев охаль* — «сосвинский народ», вторые как хурун ёх — «народ городков».

Кроме передвижений, связанных с военными действиями, в фольклоре северных хантов содержатся рассказы о мирных миграциях угорского населения на север, при этом отмечается та же направленность переселений — с запада и с юга. Западный поток мигрантов связывается с легендарным народом *пастэр ёх* и другими угорскими группами, относящимися к *лев охаль*, южный — с приплывшим во времена потопа на плотках и расселившимся по многочисленным протокам Малой и Большой Оби народом *пор ёх* («люди плотов») или послан ёх («люди проток»).

Известно, что в течение нескольких последних столетий преобладающими среди угров были миграции в северном и восточном направлениях [см.: 1, с. 8–45; 2, с. 108–111; 3, с. 84–87; 4, с. 86–100], таким образом, для Северного Приобья доминирующими были переселения с запада (из Приуралья) и юга (среднетаежного Приобья). Это подтверждается фольклорными материалами, собранными автором среди различных групп северных хантов. Однако они не дают сколько-нибудь точных датировок и судить о последовательности характеризуемых переселенческих потоков можно лишь по соподчиненности сюжетов, их сопоставимости с историческими событиями (например, походами воинов Коды) или по косвенным указаниям на их древность (например, отнесенность к эпохе потопа).

¹ В этнографической литературе к северным хантам (ханты или хантэ) обычно относят население, проживающее по Оби (с притоками Казым, Сыня, Куноват) от Обдорска до Мало-Атлымских юрт, включая в их число «остяков» Северной Сосьвы и Ляпина [2, с. 33; 3, с. 35–36]. Безусловно, к нижеобским (северным) хантам следует причислять «заобдорских остяков», т. е. хантйское население, проживающее по Оби и Обской губе (с притоками Полуй, Надым).

Завоевание земель «Лесного народа» (*Ур ёх*)

По утверждению нижеобских хантов, до прихода угров в северной тайге проживали *ур ёх* (*ор ях*) — «лесной народ» — самоеды (ненцы). Авторы середины XIX в. переводят наименование *ур ях* (*орхой*) как «дикий человек». Это определение было дано в связи с самодийской традицией поедания своих врагов и даже соплеменников и закрепилось за самоедами с начала военных столкновений с уграми [5, с. 350; 6, с. 52]. С названием народа *ор ях* (*ур ёх*) связано известное недоразумение, относящееся к концу XIX в., когда (в 1895 г.) профессором А. И. Якобием в ходе его поездки на р. Надым был «открыт» народ *нёхас ор ях* (*нях-самар-ях*). Й. Папай перевел это название, как «соболиные самоеды, самоеды, живущие в районе, где много соболя», считая, что оно относится к небольшой группе самоедов [7, с. 60]. В. В. Бартенев утверждал, что этот «небольшой народец», называемый остяками *няхсамар-ях*, живущий по р. Надым, по внешнему облику ничем не отличался от самоедов, хотя язык их не имел «ни малейшего сходства ни с самоедским, ни с остяцким» [8, с. 51–52]. Б. М. Житков свидетельствовал, что народ *няхсам-орях* — «самоеды, чистящие рыбу», обнаруженный проф. Якобием, представлял собой либо осамоедившихся остяков, либо «род юраков, зашедших с Тазовской губы», которых сами самоеды называли *пядан-хазеу* — «лесными самоедами» [9, с. 249–251]. Г. М. Дмитриев-Садовников сообщал, что надымские ханты называют ненцев *ор яг* — «дикий лесной народ», а лесных ненцев (*пян-хасово*) — *нагсэм ор яг* — «чищенные самоеды» [10, с. 25]. По мнению Б. Н. Городкова, *няхсам-ор-ях* («чищенные самоеды» — по-остяцки) и *пян-хасово* («лесной народ» — по-самоедски) — это название одной и той же ветви самоедов-юраков, так называемых лесных самоедов [11, с. 62].

Тундровых ненцев обские угры называют *ёран ёх* (*ёран махум*). Данный термин распространен среди северной группы нижеобских хантов (приуральских и шурышкарских) не столь широко, как у казымских хантов или сосвинско-ляпинских манси. Обдорские ханты называют тундровых ненцев *ор ях* (*хармо ор ях*), среди которых выделяют: *кейв ор ях* — уральских, *ямал ор ях* — ямальских, *орас ях* — обских. Лесных ненцев они именуют по-ненецки *пянхасаво* и *педаранхасаво*. Шурышкарские, войкарские, сынские и куноватские ханты называют ненцев, особенно когда речь идет о старых временах, *ур ёх*, а кочующих по Уралу — *ёран ёх* и *саран ур ёх*. Исконным местом *нёхсам ор ях* обдорские ханты считают р. Надым, а *ор ях* (в частности ненцев Нгано-Харючи) — водораздел между рр. Полуй и Кутоп-юган.

Относя *ур ёх* и *ёран ёх* то к ненцам, то к «разным народам», ханты Нижней Оби утверждают, что основным занятием «лесного народа» была охота на диких оленей, тогда как тундровые ненцы характеризуются как оленеводы. По-видимому, первые продвинувшиеся на север мигранты-угры встретились с таежными охотниками на диких оленей *ур ёх*, а позднее, со становлением у ненцев крупностадного оленеводства [см.: 12; 13], тундровики-олeneводы стали восприниматься ими как *ёран ёх*. Возможно, на Нижней Оби последнее название (*ёран ёх*) появилось вместе с поздними миграциями угров или даже коми-зырян [10, с. 25]. Не

случайно у восточных хантов и северных манси, групп относительно позднего формирования [14, с. 126; 15, с. 86–87; 16, с. 100–101], существует только один вариант определения ненцев — *ярган ях* (*ёран ёх*). Иногда нижеобские ханты, давая толкование различиям наименований *ур* (*ор*) *ёх* и *ёран ёх*, определяют первых как «ненцев вообще», а вторых — как «ненцев, не подчинявшихся советской власти» [о ненцах-мятежниках см.: 16, с. 165–196].

Вся территория Обдории и Куновата в средние века представляла собой зону военного противостояния *ур ёх* и угров. С. К. Патканов, основываясь на остяцких преданиях, называет остров Конавыт границей между самоедами и уграми [17, с. 8]. Главными «горячими точками» того времени нижеобские ханты считают городок Вош-пай близ Кушевата и район р. Куноват. По легендам, войну с *ур ёх* на Куновате выиграла три брата: *Ун Мось ху* — «Большой человек Мось», *Кутон Мось ху* — «Средний человек Мось» и *Ай Мось ху* — «Младший человек Мось». В первых столкновениях *ур ёх* были оттеснены до Среднего Логася (среднее течение Куновата), где на высоком яру, неподалеку от основанных позднее юрт Сангымгорт, пришельцы *мось* установили дозорный пост из женщин и девиц. Ответным ударом *ур ёх* взяли городок и перебили всех оборонявших его женщин. До сих пор место на яру у юрт Сангымгорт называется *Евиет вош* — «Девичий городок».

Факт беспощадного отношения самоедов *ур ёх* к женщинам — свидетельство особого характера конфликта, когда шла борьба за родную землю (территорию) и уничтожались все враги-пришельцы без различия пола и возраста. Этим военная тактика отступающих *ур ёх* отличалась от обычных военных экспедиции и грабительских набегов, когда «не пушнина и иные драгоценности, не укрепленные городки и богатые промысловые угодья, а именно женщины и олени» выступали основным объектом и целью нападений [16, с. 111].

Несмотря на отчаянное сопротивление *ур ёх*, р. Куноват стала владениями пришельцев-угров, и лишь небольшое число «куноватской самояди» (потомков *ур ёх*) обитало в ее верховьях до XIX века. Победы угров, возглавляемых братьями *мось*, воспеты в преданиях; на р. Куноват основаны святилища, посвященные трем богатырям *мось*. На главном из них, мысе Духов (*Лонх авыт нёль*) были установлены остроголовые скульптуры братьев-воинов, здесь же хранились доспехи и оружие воинов-победителей. Раз в семь лет здесь проводились военные пляски, во время которых куноватские ханты (*куноват ёх*), считавшие себя потомками воинов *мось*, извлекали из тайников оружие, и над рекой Куноват звучал призывный военный клич «Гей! Гей!» и сверкали поднятые вверх мечи и сабли.

На других территориях Нижнего Приобья о былых войнах угров с самоедами говорят топонимические названия: р. Сыня имеет приток *Ёран ёх вилим юган* — «Река, где с ненцами война шла», чуть выше, в районе Тиль-тима, есть урочище, именуемое *Ляль екртым поль* — «Война окончилась (повернула обратно)».

Северная граница военных столкновений угров и *ур ёх* проходила в 35 верстах от Обдорска. По записанной игуменом Иринархом легенде, остяки вытеснили самоедов к большому сору Вангада, где развернулось решающее сражение. Выиграв битву, остяки отнесли головы побежденных самоедов к ручью Хоро-

нэуподы, насадив «трофеи» на колья. Впоследствии ненцы стали приносить здесь жертвы и, проезжая из тундры в Обдорск, оставляли на святилище олени череп. Минули столетия, а обогрненное самоедской кровью место при ручье Хоронэуподы не забылось, став целой горой из костей жертвенных оленей [18, с. 182–183].

По сообщению Ю. И. Кушелевского, «клятва вечного мира» между остяками и самоедами была заключена около ю. Пащерцевых. В знак признания самоедами «владычества остяков» был исполнен обряд: «из среды своей, по жребию, избрали одного самоеда, убили его, сварили и съели. После срубили у лиственницы вершину и на оставшемся отрубке поставили то корыто, из которого ели человеческое мясо» [6, с. 54]. Обдорский городок становится политическим центром Обского Севера и резиденцией остяцкого княжеского рода Тайшиных. Знаменитое капище Тайшиных на Ангальском мысу (Лонг авыт нель), названное Иринархом «оплотом древней веры остяков и самоедов», где регулярно совершались человеческие жертвоприношения, долгое время выполняло роль культового центра как хантов, так и ненцев [19, с. 71]. Остяцкие князья держали пленных самоедов у себя «в работе». В XVII в. Обдорский князь Гында Момиков имел 13 самоедов и «морил их с голоду» [20, с. 25]. Описывая военное превосходство угров над *ур ёх*, ханты рассказывают, что их противники «прятались в лесу как дикари».

Даже взятых в плен угорских детей опасались самоеды. По преданию, женщина хантыйского рода *Махсар ёх* (Максаровы и Бубины) во время войны с *ур ёх* была вместе с дочерью и сыном захвачена ненцами. Один из самоедских вождей женился на ней. Опасаясь мести со стороны взрослеющего хантыйского мальчика, ненцы решили убить его. Мать посадила сына в лодку и велела ему плыть вверх по Оби до двух больших соров (Питлярского и Шурышкарского), туда, где осталась его родина. Выросший среди ненцев мальчик не умел говорить по-хантыйски, добравшись до Питлярского сора, он влез на высокое дерево и закричал: «Нюром мув Махсяр». Его заметили ханты и поняли, откуда приехал мальчик. Позднее его отправили в Шурышкары, дав ему фамилию Максаров.

Основателя рода *Лох пат горт ёх* (или Шиян пугор ёх) — «Заливного тупика народ» (Шияновы) — старика Какванси прозвали Парши-скоблитель за то, что он «поймал старика ненца, укравшего у него зайца, и собирался убить вора, но ненец взамен зайца отдал ему мальчишку-ненца. Старик Какванси соскоблил с головы мальчика болячки (паршу). Мальчишка умер, ханты похоронили его на затопляемом во время весеннего половодья месте, чтобы никогда в этих местах ненцы больше не появлялись». Если верить наблюдениям Ю. И. Кушелевского, презрение к побежденным было настолько сильным, что «когда остяки въезжали к ним в тундру для торговли, то приказывали самоедам, при встрече с собою, падать на колени, кланяться в землю и не смотреть на себя до тех пор, пока не позволят. Входя в самоедские чумы, приказывали постилать себе под ноги олени кожи и по ним входили. Не притрагивались к самоедской одежде и к вещам их, а если которые брали из рук их, то через огонь. Окуривали вещи бобровую струей, которая, по понятию остяков, очищает все, от всех нечистот» [6, с. 52–53].

По замечанию А. В. Головнева, «неизвестно, чем бы закончилось триумфальное шествие обских угров по землям самоедов, если бы последние не создали новую культуру крупностадного оленеводства, и в хозяйственном (по уровню самообеспеченности), и в военном (по уровню маневренности) отношениях превосходящую все прежние». Более поздние набеги тундровых ненцев (*ёран ёх*) характеризовались «стремительностью» и «маневренностью», принося уграм немало хлопот [16, с. 100–106]. Теперь уже хантам приходилось скрываться от неприятеля в лесах и болотах. Ненцы, приезжавшие в верховья р. Войкар, еще в начале XX в. мстили, поселившимся в их землях хантам, разрушая их рыболовные ловушки. Пренебрежительное отношение к побежденным самоедам сменилось со временем «превосходством» и «предпочтением» ненецкой оленеводческой культуры.

В результате военного и мирного продвижения угров владения нижеобских самоедов к XVII в. были рассечены угорским «клином», прошедшим по Оби до ее устья. К востоку от него остались земли самодийцев *пян-хасаво*, к западу — европейских уральских ненцев. Оттесненные к верховьям рек Сыня, Собь, Войкар и Куноват таежные самодийцы *ур ёх* частью откочевывали на север — в низовья Оби, частью были ассимилированы уграми, и лишь небольшие их группы, известные как войкарская, сынская (иньевская), куноватская и ляпинская самоядь, некоторое время сохраняли свою этническую специфику. По «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова самоеды в конце XVII в. еще занимали среднее и верхнее течение рр. Войкар и Собь [21, с. 8]. В архивных источниках конца XVII века самодийские группы *ур ёх*, кочевавшие в бассейне левых притоков Нижней Оби — Войкару и Сыне, упоминаются под именем «иневской» (сынской) или войкарской самояди. В числе 53 плательщиков они вносили ясак в Войкарском городке [22, с. 68, 73]. По данным ревизских сказок, в конце XVIII века в Куноватской волости проживало всего 9 самоедских семей (22 муж., 19 жен.), в начале XIX в. фиксируется 13 семей (27 муж., 18 жен.), а к середине — остается только 7 (16 муж., 7 жен.) [см.: 23]. Сохранившиеся на территории Нижнего Приобья группы таежных самоедов *ур ёх*, изолированные от своих соплеменников, стали смешиваться с обскими уграми. Процессу ассимиляции способствовали брачные контакты, окончательно растворившие войкарскую и сынскую самоядь в угорской среде.

О тесных брачных связях северных хантов с самодийцами *ур ёх* мы можем судить по фольклорным материалам. В былинах и героических сказаниях хантов нередко описываются походы Каменных самоедов в угорские земли с целью «сосватать косатую красивую девицу». «Сырое мясо едящие оленные» люди приходили в остяцкие городки на «больших лодках с раздвоенной кормой», однако сватовство нередко оборачивалось войной [24, с. 8–10]. Так, в сказании «Сыновья Мужчины с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины» к южноостяцкому (иртышскому) богатырю «с... отдаленного конца земли» (Нижней Оби) в облике филина прилетела младшая дочь нижеобского Кровавого богатыря *Nânk-xuś-xo-я* с жалобой на отца, который собирается отдать ее в жены «многочисленным мужам самоедской стороны», «сватам со стриженными лбами». Герой и его брат отправляются в погоню за богом предназначенной остяцкому

князю невестой. Настигнув самоедский свадебный поезд, один из южноостяцких братьев-богатырей убивает главаря самоедов *Sos tûrum iga* (Сос-Торума), а другой, не сумев преодолеть самоедских кудесников-богатырей, заручается клятвой: «не... сражаться друг с другом на женский век, не... сражаться с друг другом на мужской век». Однако самоеды, нарушив зарок, собрали на острове Кун-авыт (Куноват) «войско столь многочисленное, что нет столько деревьев в лесу, нет столько былинки на лугу» и напали на остяцких князей. Только вмешательство духов *Pit-pou-iga* (Пит-поу) и *Nûm-iga* (Нума), подоспевших на помощь и разгадавших секрет «бессмертия» самоедских шаманов-богатырей, спасло братьев от неминуемой гибели. На помощь обессилевшим остяцким богатырям спешили из южных земель «старуха и старец с устья Конды», намеревавшиеся «столкнуть остров Кун-авыт в воду и съесть... самоедских богатырей». С нижеобской княжной и трофеями — «металлическими вещами и пушиной» братья вернулись в свой город. В то же время в нижеобские князья городка *Soŋ-xuś-a* (Сонг-хуша) отправлялись сватать «самоедских красавиц», снарядив в поход «воинский отряд в 700 мужей». На традиционность брачных контактов с самоедами указывает и то, что их мать то же была из самоедок, ее имя — Оленья Самоедка с Иловатыми Глазами [24, с. 17–46; 25, с. 153–167].

Вероятно, со временем браки между северными остяками и самоедами стали не редки явлением, неслучайно в составе северохантыйских родов обнаруживаются самодийские компоненты. По легенде, родоначальником рода *Кунжолон ёх*, в состав которого входит фамилия Сязи (В. И. Васильев соотносит нижеобских хантов Сязи с куноватскими ненцами Сезиными [26, с. 125–126]), был внебрачный или найденный во время потопа ребенок. Родовым духом (лонхом) *Кунжолон ёх* является *Сос ики* — «Старик-Горноста́й». О святилище Горноста́я на Кунжольском мысу сообщает Г. Старцев в связи с описанием запрета убивать горноста́я и жертвоприношения оленя духу Кунжольского мыса в случае «нечаянного» убийства зверька [27, с. 98, 112]. О Старике-Горноста́е нижеобские ханты рассказывают следующую легенду [В. А. Сязи, Полярный Урал, 1990]:

«*Сос ики* жил в лабазе у женщины Сязи. Каждый день она приносила Горноста́ю пищу. Однажды женщина сварила для него зайца вместе с головой. По поверью, Горноста́ю заячью голову есть нельзя. Рассердился Горноста́й. Женщина увидела, как из лабаза кто-то выбежал, только тень промелькнула. Ушел *Сос ики* вниз по Оби к *ур ёх*. Один ненец увидел след песка, пошел по нему, но след песка превратился в след горноста́я. На конце следа нашел ненец горноста́я без хвоста (*ай сос*), подобрал и стал хозяином этого духа. Шаманы долго били в бубны, искали своего духа (*лонха*). Только через некоторое время смогли вернуть его на свою сторону. С тех пор *Сос ики* хранят не в лабазе, а в нартах, называя его *Ухлан ики* — «В нартах старик». Раз в семь лет нарты с *Ухлан ики* возят в те места, где был найден Старик-горноста́й».

Связь Старика-Горноста́я с ненцами прослеживается не только в требованиях духа возить его раз в семь лет в самодийские земли. В уже упомянутом сказании «Сыновья Мужчины с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины» южноостяцкий богатырь отвоевывает у самоеда *Sos tûrum iga* (Сос-Торума) невесту,

дочь нижеобского старика Nânk-xuś-xo-я. В поединке остяк отрубает врагу по колено ноги. Безногий самоед выбегает из свадебного полога, обернувшись горностаем (Xui-sos). Всякий раз, настигая самоеда-горностая, новоявленный жених-остяк отсекает часть туловища зверька. Оставшаяся от горностая «самоедская голова» скатывается в кровавую реку. Избегнув меча остяцкого богатыря, голова самоеда говорит: «Убегая от тебя, я прятал от тебя мою отливающуюся головную кожу, прибегая к сотням уловов, прибегая к многочисленным выдумкам. Раз ты сюда войдешь в воду, то ты муж, живущий в светлом мире, войдешь на много лет. Если ты имеешь намерение вернуться домой, то возвратись... со своей косатой головой. Что же касается до меня, то пусть многочисленные мужи самоедской земли принесут сюда пожертвованные... мне чаши, пожертвованные мне берестяные сосуды, пусть сюда будут приведены в качестве кровавой жертвы хвостатые собаки, шерстистых собаки... В доме наполненном собравшимися женами, наполненном собравшимися мужами, не говори, что тебе удалось содрать с богатыря Sos turum iga его отливающуюся головную кожу» [17, с. 36; 24, с. 17–38, 101–103; 25, с. 153–160]. Не исключено, что родовой дух *Sos iki* и самоед Sos turum iga — одна и та же фигура, а «кровавая река» — граница владений северных остяков и самоедов.

Таким образом, в составе нижеобских хантов обнаруживается присутствие самодийского субстрата. Вероятно, уже к концу XVIII в. самодийцы *ур ёх* почти полностью растворились в угорской среде. Немногочисленная этнотерриториальная группа куноватских ненцев, зафиксированная материалами переписей конца XVIII — начала XIX вв., сохраняла свою этническую специфику благодаря связям с уральскими самоедами (или заново сформировалась из числа европейских ненцев-переселенцев [см.: 26, с. 126–129]). Последние фамилии куноватских ненцев (Тыликовы, Тяро), определяемые уже как саран *ур ёх* — зыряно-самоеды, исчезли в 1930–70-х годах.

«Люди потопа» (*Послан ёх*)

Трудно с уверенностью судить, кто из предков хантов первым достиг низовий Оби и откуда он прибыл. В северохантыйских преданиях перекликаются рассказы о людях *мось* и людях пор, которые то заселяли пустующие земли, то побеждали местный «дикий народ», то сражались друг с другом. Сами северные ханты в большинстве случаев считают первыми из своих пришедших на север предков людей *мось*. К их заслугам относят, прежде всего, захват усть-обских территорий у *ур ёх*. Древность легенд о народе *мось* оттеняется упоминаниями в связи с их приходом потопа, от которого люди *мось* спасались на Уральских горах. Наряду с *мось* (и гораздо чаще, чем *мось*), в качестве героев «потопных» сказаний упоминаются люди *пор*. При этом если *мось* считаются пришельцами с запада, то *пор* — с юга.

Мифы о потопе широко распространены среди народов Западной Сибири. Угорские сказания включают версии, где он трактуется как первичный океан, когда птица *лули* (железозкрылая гагара или две гагары «с игольчатами клювами») по приказу *Кон-ики-пах* (или *Нум-Торума*) поднимает крупицу земли с его дна

[25, с. 63, 72, 258, 291]. С преданием о великом потопе (первичном океане) связан миф о ныряющей птице [см.: 28]. Среди хантов распространены и другие легенды о потопе, в которых рассказывается не о сотворении Земли, а о спасении людей в водах огненного потопа. Едва ли не каждый род имеет свою версию истории о том, как его родоначальник сумел спастись в стихии *емын ик* («священной воде»). Понятно, что подобные легенды имеют мало общего с эпохой Творения, в них повествуется о движении героев по «большой воде» (Оби) и освоении ими новых земель [А. П. Кондин, п. Казым-мыс, р. Большая Обь, 1990].

«За семь лет до начала потопа шаманам стало известно о приближающемся времени огня и воды. Шаманы били в бубны, гадая о том, как можно спастись. Люди, не умевшие плавать, стали строить плоты (*пор*). Только семислойный плот (*лабыт лаур полет пор*), сделанный из семи бревен в семь слоев, покрытый семислойным пологом из кож осетра и стерляди, мог устоять против стихии. В какой-то местности, выше Березова, росла священная береза с семью отростками от вершины. Однажды береза та упала и из под ее корней начала бить вода. Люди укрепляли это место, но никак не могли остановить водяного потока. Тогда люди расселись на плоты, и их понесло вниз течением Оби. Женщин и девушек на плоты не брали, их все равно вода с огнем сжирала, спасались только мужчины и «чистые» девочки. Семь дней вода кипела — огонь и вода вместе шли. Нижние слои плотов разбивались, верхние слои пологов сносило. Вместе с огненной водой несло множество огромных ящеров и змей, которые взбирались на полоты и поедали людей. Много народу тогда погибло — те, кто не успел построить семислойного полота, те, кого смыло водой. Когда стихия улеглась, люди стали высаживаться на высоких островках — *пугорах*. Приплывших на плотях людей называли *нобтын ёх* — «приплывший народ» или *пор ёх* — «люди плотов»».

Примерно в тех же вариантах распространены предания об «огненной воде» у северных манси: «На той земле, где манси теперь живут, однажды появилась большая огненная вода. Поверхность земли сгорела, почва окрасилась в цвет охры, а в слое земли, якобы, эти следы видны до сих пор. Вода всплывала недолго — всего лишь за то время, в течение которого можно сварить суп. О надвигающейся беде люди узнали за семь дней до события. Они сделали плоты из семи слоев лиственничных бревен и покрыли пологими из стерляжьей шкуры, чтобы их не кусали змеи и иные пакости. Привязали свои плоты к вековому дереву веревками из корня тальника. Те плоты, что крепились другими корнями, унесло течением вниз по реке» [29, с. 43–44].

Подобных легенд немало. Идет ли в них речь об одном «потопе», или в понятии «священной огненной воды» обобщено представление о неоднократно повторявшихся бурных обских половодьях? Не исключено, что герои сказаний прибыли на нижнеобские «пугоры» из разных мест и в разное время. По рассказам, отличались и конструкции плотов: одни «люди потопа» приплыли на семислойных покрытых кожей рыб плотях, другие — на плотях, связанных веревками из собачьей шерсти и тальникового лыка.

Так или иначе, потоп стал своеобразной точкой отсчета появления большого числа пришельцев с юга и складывания новых родовых групп. По традиции

родственниками считаются те, чьи предки во время потопа остались на одной горе или осели на одном островке (*емын мув лопсыт* — «святой земли куски»). Род северных хантов — и сыр рут — иносказательно называют «семь сыновей — одно весло» или «одно весло имеющие» (*и луптайлат*). Островки и возвышенности, на которых спаслись легендарные герои, стали родовыми святилищами. Например, на развилке Полуя, где река делает крутой изгиб и расходится на два рукава (около Зеленого Яра), со спадом воды каждый год обнажается островок. По преданию, здесь и остановились спасавшиеся от потопа люди. Встав на едва выступающий из воды островок, они крикнули семь раз «на Небо», после чего появилась «куриная ножка» и земля поднялась из воды. Обнажающийся ежегодно после весеннего половодья островок у Зеленого Яра и поныне считается священным местом полуйских хантов. Женщинам нельзя передвигаться по воде мимо священного острова-горы — им следует идти пешком по берегу, а зимой объезжать остров на нартах.

Как уже говорилось, от потопа пришлось спастись не только «людям плотов» пор, но и пришельцы со стороны Урала *мось*. У войкарских хантов, живущих вблизи от Урала, бытует такое предание: [Т. И. Хунзи (Озелова), п. Унтсылгорт, р. Малая Обь, 1989].

«Вода была везде, кроме Урала. Когда вода прибывала, на высоких склонах Урала собирались и люди, и животные — медведи, волки, лисы, россомахи (священные звери, чьи шкуры и изображения хранят в домашних святынях). Целую неделю бушевала вода. Люди и животные вместе жили, и никто никого не боялся. На этой горе собрались разных родов и даже народов люди. После спада воды люди разошлись по разным юртам и стали жить родами. Один зырянин пришел из-за Урала (*Неранса ху*) и во время потопа оказался с хантами на одной горе, после чего породнился с ними».

Сосьвинские манси считают, что во время потопа (*ялпынг акв* — «священная вода») *мось ёх* спасались на горах Урала. Позднее *мось* и *пор* стали жениться друг на друге. По рассказам сынских хантов, *пор ёх* и *мось ёх* говорили на разных языках. Они воевали друг с другом, и *мось ёх* осталось меньше, так как многие из них погибли. Людей пор, наоборот, становилось все больше, поскольку к ним стали относить всех «приплывших людей», в том числе *послан ёх* или *похрын ёх* — «народ проток».

У самых северных групп нижнеобских хантов представления о принадлежности к *мось ёх* или *пор ёх* весьма противоречивы и расплывчаты. За Обдорском чаще всего приходится слышать утверждение: «Мы — не *пор* и не *мось*». Понятие о *Пор* и *Мось*, как о двух экзогамных половинах, существует у сынских и куноватских хантов.

На р. Сыне к *мось ёх* относят так называемых «чистых» сынских хантов — *сеня ёх* (или *ерля ёх*) — «реки Сыня народ». В эту группу входят фамилии Лонгортов, Вальгамов и часть Куртямовых (*чиркан ёх*). В ряде случаев к *мось ёх* были отнесены фамилии Рохтымов и Еприн. К *мось ёх* северные ханты причисляют и всех коми. Группа *послан ёх* — «люди проток» включает фамилии Талигин, Макаров, Пугурчин, Пырысев, Муркин, Артанзеев, Питласов и дру-

гую часть Куртямовых. По свидетельству сынских хантов, *послан ёх* некогда пришли на р. Сыня с Оби. Фамилии, причисляемые к *послан ёх*, имеют различную степень взаимного родства. По одной из легенд, Макаровы, Талигины и Пырысевы были братьями и жили вместе, потом разъехались в три деревни. В Тиль-тине остался Талигин, а своих братьев он отправил вниз по реке: Макаровых — в Нымвош-горт, Пырысевых — в Ямгорт. По другим данным, «близкими братьями» приходятся друг другу Талигины и Пугорчины.

О делении сынских хантов на *сеня ёх* и *послан ёх* писал И. Г. Юданов: «Население, живущее по реке Сыне состоит исключительно из остяков северной группы, принадлежащих к двум древним родам — Сеня и Послан, названия которых обычно употребляются в сочетании со словом «ех» (с остяцкого — «народ») — *Сеня-ех* и *Послан-ех*. Оба рода теперь представлены несколькими фамилиями, а именно, к *Сеня-ех* относятся фамилии — Куртямов, Лонгортов, Талигин, а к *Послан-ех* — Артанзеев, Питласов, Пырысев. Судя по тому, что название реки произошло от рода Сени (остяцкое Сени — Сеня-юган) можно полагать, что этого названия род поселился на реке раньше второго. На это точно так же указывает само название «Послан», говорящее о том, что в стародавние времена *Послан-ех* жил в районе каких-то проток (протока по-остяцки — посл). По-видимому, в начале представители того и другого рода отличались друг от друга и по языку и по внешним признакам, теперь же родовая грань проявляется только в некоторых обычаях, которые являются обязательными для одного рода и считаются желательными для другого. К числу таких обычаев, например, относится традиционный остяцкий праздник — чествование убитого медведя или медвежий праздник, обязательный *Сеня-ех*, а для другого рода устраиваемый по желанию без строгого для соблюдения всей обрядности» [30, с. 39–40]. К *Пор ёх* или *послан ёх* сынские ханты причисляют всех переселенцев, в том числе и русских.

Примерно такая же ситуация сложилась на р. Куноват. К *мось ёх* здесь относят «местных» («чистых») хантов — *куноват ёх* («реки Куновата народ»), к которым причисляются фамилии Яркин, Тользин, Муратов и часть Тояровых. По преданию, три брата — Яркин, Тользин и Тояров пришли на Куноват из юрт Теги и разошлись по трем деревням: Яркин поселился в Сором-логасе, Тояров — в Сангым-горте, Тользин — в Юган-тай горте. *Послан ёх* включают фамилии Уксюмов, Толба, Сотруев, Тоголмачев. По свидетельству куноватских хантов, *послан ёх* «друг другу родней приходятся», но близкая кровная связь прослеживается лишь между отдельными фамилиями — Уксюмовыми и Толба, Сотруевыми и Тоголмачевыми.

Для «чистых» групп *сеня ёх* и *куноват ёх* характерно наличие общего духа-покровителя. На Сыне хозяином реки Сыня и группы *сеня ёх* выступал *Кейв ур ху акем ики* — «Каменный ненец дядька старик». На р. Куноват главными являлись три брата лонха: *Ун Мось ху* («Большой человек Мось»), *Кутон Мось Ху* («Средний человек Мось») и *Ай Мось ху* («Младший человек Мось»). *Ун Мось ху* принадлежал Яркиным, *Кутон Мось ху* — Муратовым, *Ай Мось ху* — Тояровым. У каждого из братьев-духов было отдельное капище со священными лабазом и нартами. Как свидетельство родства между братьями-

духами имелось и их общее святилище (*Лонх авыт нель*), где «три брата-лонха стояли в одном ряду». Здесь устраивались общие жертвоприношения куноват ёх. По сказкам, *Ун мось ху* ходил «свататься и воевать и к ненцам, и к коми».

У куноватских *послан ёх* не прослеживается религиозно-культурного единства. Тояровы, относящиеся к этой группе, хранили в Ай юган горте изображение *Еври ики* — «Старика волка»; Сотруевы и Тоголмачевы имели *Сорни юх* — «Золотое дерево» (священная лиственница) и священные нарты, принадлежавшие духу *Сорни пох ики*; Толба и Уксюмовы держали священный лабаз, именуемый *Сязи* — «Бабушка». Сынские *послан ёх* также почитали разных духов: Пырысевы — *Хон пох ики* («Божий сын»), Талигины — *Карды вореш* («Железный коршун»).

Приведенные данные позволяют еще раз обратить внимание на то, что группа *мось* (*сеня ёх*, *куноват ёх*) считается более древней («чистой», «местной»), чем *пор* (*послан ёх*, *похрын ёх*). Кроме того, *пор-послан* не отличаются культовым единством, характерным для *мось*. По-видимому, группа *пор* сложилась из различных и разновременных потоков мигрантов с юга, которых объединяло противопоставление «местным» *мось*, а также общность способов продвижения (на «плотах») и мест расселения (по «протокам»). Впрочем, и западные мигранты, первыми из которых были легендарные *мось*, не представляли собой единой волны переселенцев. В течение длительного времени (вплоть до современности) пути через Урал оставались основными маршрутами продвижения переселенцев в Северное Приобье.

Переселения «Сосьвинского народа» (*Лев охаль*)

Наиболее освоенным маршрутом перехода из-за Урала на Нижнюю Обь было течение рр. Северная Сосьва и Ляпин. С начала освоения Сибири им пользовались и русские — «торговые» и «гулящие» люди, военные дружины. По-видимому, в позднем средневековье бассейн Сосьвы и Ляпина стал своего рода «промежуточной базой» для движущихся за Урал мигрантов. Отсюда, уже отчасти освоив приобские территории, они шли далее на север вдоль Оби.

На Нижней Оби известны родовые группы, причисляемые северными хантами к *лев охаль* — «народу с реки Сосьва». К ним относятся: Ванды *пугор ёх* — «Наблюдательной деревни народ» — Кондыгины, Альгамовы, Ковшины, Пронькины; *Лох пат курт ёх* (или *Шиян пугор ёх*) — «Заливного тупика народ» — Шияновы; *Ланги вош ёх* — «Беличьего городка народ» — Мошкины; *Кушеват ёх* или *Сор юган ёх* — «Щучьей реки народ» — Русьмиленко. Юрты Кушеватские прежде назывались *Лев вош* — «Сосьвинский городок». К *лев охаль* относятся также фамилии Сайнахов и Тобольчин.

До недавнего времени переселившиеся на Нижнюю Обь *лев охаль* сохраняли связи со своими родовыми местами. Известно, что духом-лонхом Русьмиленко был *Лев кутон ики* — «Средней Сосьвы старик». *Лев кутон ики* почитался и *Хош горт ёх* — Тырлиными. Духом рода *Шиян пугор ёх* был *Пажит мек ики*. Еще в начале двадцатого столетия Шияновы ездили через ю. Тиль-тим (р. Сыня) на р. Сев. Сосьву, где на р. Пажит-югане находилось капище «глав-

ного» *Пажит ики*. Его сестрой считалась *Пажит нэ* — тутлеймская Женщина (лягушка). По представлениям казымских хантов святилище «семерых духов с местечка Пашит» находилось в верховьях рек Сыня и Хулга. Почитался *Пашиит верт* казымскими хантами как могущественный «двухголовый, четырехрукий» лесной дух *ялы (менк)*. Когда он, именуемый на медвежьем празднике *Кат вешти япал* — «Двуликий дух», появляется в танцевальном доме, «котлы... вверх дном переворачиваются», с деревьев хвоя осыпается» [31, с. 56–58, 62, 74].

Женские образы, именуемые *Лев нэ ими* — «Сосьвинскими Женщинами», широко распространены на Нижней Оби: «Середины Сосьвы Женщин» почитали в Питляре, Тегах, Казым-Мысе и других селениях Большой и Малой Оби. Духов с реки Сосьвы *Ай Лев тый миш нэ* — «Верховий Малой Сосьвы женщина-миш» и *Лэв кутуп миш нэ* — «Середины Сосьвы женщину-миш», приходившихся племянницами *Касум ими* — «Казымской старухи», «приглашали» на медвежьи игрища казымские ханты. Считалось, что сама хозяйка р. Казым была родной сестрой *Лэв кутуп ики* — «Средней Сосьвы старика». Один из ее эпитетов «Священный камень, святой камень у порога (Урала), великая женщина-дух». В свою очередь в призывной песне *Лэв кутуп ики* он величается «вечным золотым» духом-хранителем казымских (юильских) хантов [31, с. 26–27, 39–41, 125]. По представлениям сосьвинских и ляпинских манси *Касум най эква* (Казымская богиня) была лишь дочерью (или внучкой) сестры этого духа [29, с. 75, 79; 32, с. 238;].

Миграции с запада зачастую сопровождались конфликтами новых пришельцев с местным населением. О войне войкарских хантов с пришлыми людьми *ай лев ёх* («малой Сосьвы народ») сохранилась легенда: [Г. Ребась, поселок Вершина Войкара, р. Войкар, 1995].

В юртах Отляр (р. Войкар) жил человек-Гагара. Было у него две жены. У старшей из них было два взрослых сына, у младшей — один сын, еще в колыбели. Пришли на р. Войкар *ай лев ёх*. Однажды отец спрашивает старших сыновей: «Вы слышите что-нибудь?» «Ничего не слышим», — отвечают сыновья. «Как не слышите, что-то ведь слышно, наверно война идет», — говорит Гагара. Отец стал собираться в лес, Гагара есть гагара, а сыновья дома остались. Война дошла до Отляра. Всех жителей поселка воины *ай лев ёх* убили и сыновей Гагары тоже. Женщин с собой забрали, увели и старшую жену Гагары.

Гагара на другую сторону валится (по другой стороне Оби идет), добрался до местечка Халей-пугор («поселок Халея»). Подстерегли Гагару воины *ай лев ёх*, стали стрелять в него из луков, а человек-Гагара нырнул в воду и как утка под водой ушел, Гагара есть гагара. Остановился Гагара в Халей-пугоре, заснул на каменной скале. Следующую ночь провел Гагара на озере близ Халей-пугора, в доме Халея. Среди ночи слышит, будто идет кто-то. Гагара думает: «Халей идет по суше, видно, кругом сухо».

Пошел человек-Гагара дальше. С другой стороны война еще страшнее идет. Приходит Гагара на р. Юган (Вершина Войкара), и там весь народ перебит — весь мир спит. Гагара думает: «Что я буду делать один? У меня еще жена есть, с другой стороны реки на конце поселка живет, пойду к ней». Пришел

к младшей жене. Решили они двигаться на р. Нак-юган. Женщина идет за мужем и ребенка в люльке за спиной несет. Война их догоняет. Подходят к горе, а с горы лучники стреляют, стрелы так и сыплются. Одна стрела между дном и стенкой люльки прошла. Гагара и его жена в воду нырнули, Гагара есть гагара. Плывут. Кричит Гагара жене: «Ребенка брось, тебе легче плыть будет!» «Как я ребенка брошу, он же глазами видит», — отвечает жена. Бегут дальше. На Нак-юган пришли, там тоже все жители перебиты. Обратно повернули. В лесных землянках два года прожили. Сын у Гагары растет. Гагара думает: «Что-то делать надо. Никого не осталось». Вернулись на Ай вош пай (городок в устье р. Войкар) — и там никого.

Созывает Гагара всех оставшихся в живых мужчин на войну. Собрали большое войско с Оби, лесных деревень людей и оленных людей. Гагара во главе войска идет, хочет свою старшую жену у *ай лев ёх* отнять и за сыновей отомстить.

Идут в верх по Оби. Дошли до того места, откуда война началась. Встретили там двух мальчиков-караульчиков. Спрашивают у них: «Где ваш вождь?» Мальчишки хитрят, не отвечают. Тогда человек-Гагара одного из них убил. Второй мальчишка-караульщик испугался и говорит: «Жена твоя у нашего вождя живет, не раздета, не разута, а в железные одежды наряжена». Рассказал парнишка, где жена Гагары спрятана. Ночью подошел Гагара к тому месту. Как собаки залают, он камушек кидает, чтобы они за ним не бежали. Городок большой. Гагара думает, как жену выручать, как ее из дома вызвать. Решил в отхожем месте спрятаться, все равно рано или поздно жена туда придет. Через некоторое время приходит жена Гагары, плачет: «Как вы в городок пройдете — окружающие поселок цепи звенеть будут». Гагара говорит своей жене: «Ты поможешь нам. Как вернешься в дом, стрелы перекуси, тетиву у луков укороти, железные одежды ножом разрежь. Я подойду к дому и крикну, вождь *ай лев ёх* наденет железные одежды, а двигаться не сможет».

Ночью влетел Гагара в поселок, кричит: «Выходи, воевать будем». Вождь *ай лев ёх* кольчугу надеть не может. Гагара стрелу пустил, через отверстие в кольчуге стрела прошла. Испугался вождь *ай лев ёх*, в лес побежал, через три речки перемахнул. Гагара его догоняет. Просит вождь *ай лев ёх* не убивать его, но Гагара вспорол ему живот. Живот снова срастается. Тогда человек-Гагара в живот вождя *ай лев ёх* траву из кисов (стельку) натолкал. Перестал срастаться живот. Сердце врага завернул в кишки и съел (одно сердце он съесть не мог). Скальп с него снял и на самое высокое дерево в Отляре, где его сыновей убили, повесил. Жену свою забрал. От человека-Гагары все войкарские ханты произошли.

В приведенном сказании обращает на себя внимание общность некоторых сюжетов с северосамодийским героическим эпосом: умерщвление оживающего героя «грязными» (женскими) вещами, поедание сердца, забрасывание голов-скальпов врагов на вершину дерева и др. Образ человека-Гагары соотносится с *лонхом* (духом) одного из родов войкарских хантов — *Нянь-гортен ёх* — «Хлебного городка народ» (Сэвли), принимающего облик Старика-гагары (*Тохтан ики*). Его металлическое изображение хранится на святилище у ю. Нянь-горт. Примечательно, что *Естьото Паары* (Железокрылая Гагара) является одним из духов, призываемых ненецкими шаманами при камлании [16, с. 382–383]. Вполне возможно, что в образе старика-Гагары выражены культовые

характеристики древнего таежно-самодийского населения (*ор ёх*), с которым столкнулись в низовьях Оби пришельцы-угры.

К *лев охаль* нижнеобские ханты относят и легендарный народ *пастэр ёх*. О народе *пастэр* известно несколько легенд. Две из них, записанные Й. Папаи у обдорских хантов и В. Н. Чернецовым у северных манси, по сюжету повторяют друг друга. Обе легенды рассказывают о переселении предков народа *пастэр* из южных мест, «где берет начало Обь», на север, на р. Полуй, где и поныне проживают ханты рода *Пастэр ёх*. Обе легенды начинаются с описания погони за лосем предков народа *пастэр* — Шагом Менква Обладающего Человека и Крылатого Пастэра. Не доходя «до нижнего конца Урала», Крылатый Пастэр убивает «богом созданного священного зверя, богом созданного отмеченного зверя». По легенде, записанной Й. Папаи, Крылатый Пастэр возвращается на родину, а Ногастый Пастэр, достигнув места, где был убит лось, остается в низовьях Оби навсегда и вскоре забывает «свою прежнюю родину». В записи В. Н. Чернецова, Шагом Менква Обладающий Человек, Крылатый Пастэр и три «обыкновенных» человека, встретившись на конце Нижнего Урала, уходят в низовья Оби и поселяются на р. Полуй [25, с. 170–171, 432–433].

Осевшая в устье Полуя (чуть выше Салехарда) северная группа народа *пастэр* известна среди нижнеобских хантов как род *Пастэр ёх*, проживавший в юртах с тем же названием Пастэр-горт (Пашерцевы юрты Обдорской волости). К роду *Пастэр ёх* относятся фамилии Шуганов, Ильин и Кормяков (все они почитают и хранят изображение духа *Пастор ики*, он же *Хынь ики*). Причисляя род *Пастэр ёх* к *лев охаль* («народу с реки Сосьва»), северные ханты добавляют, что в старые времена за незнание местного диалекта их называли *вадаси* — «бессловесные».

По мнению В. Н. Чернецова, народ *paster* ведет свое происхождение от мансийского рода *Пастыр махум*, некогда проживавшего в селении Мункес на р. Ляпин, где находилось главное капище «семи крылатых *paster*» [33, с. 27].

Продолжая изучение истории этого народа, Е. И. Ромбандеева обнаруживает, что «потомки северных манси из деревни Мувентес» некогда пришли с верховий р. Лозьва и поселились по р. Сорахта, притоке р. Ляпин (Сакв-я). По преданиям, предки народа *пастыр махум* были сильными воинами. В призывной песне духов-предков, которым до сих пор поклоняются их потомки — хошлогские манси, поется о переходе богатырей через «семь рек, шесть рек». Отыскивая прародину легендарного народа, Е. И. Ромбандеева сопоставляет его название с мансийским наименованием реки Печора — Пацар ас — «Большая река Пацар» (или «пропасть, через которую льется много воды»)» [29, с. 43–44].

О продвижении народа *пастыр махум* на север Е. И. Ромбандеевой записана еще одна легенда: во время «огненной воды», «людей из деревни Мувентес на Сакв-я, поклонявшихся предку-духу Паштор (Пастыр ойка), унесло далеко на Обь, в те места, где впоследствии возникла дер. Пашторские юрты» [29, с. 44]. В результате ассимиляции пришельцев на Оби появился хантыйский род *Пастыр ёх*, «половина которого — манси, а половина — ханты» [32, с. 215; 239]. По поверью, возвращение народа на р. Сакв-я грозило ему вымиранием. Однако до сих пор манси р. Сакв-я и манси Оби считаются кровными родственниками и называют друг друга «брат» и «сестра» [29, с. 44].

Юрты Пашерские (Пашерцевы) во главе с князем Семеном Юркиным фиксируются по ревизским сказкам и в Подгородной волости [см.: 34]. Переселение на р. Обь, вероятно, проходило через р. Вогулку, где по легенде, записанной А. А. Дуниным-Горкавичем, проживали братья-богатыри, сыновья *Ул-пан-лоль-ман-вурта*, чьи потомки основали обские Пашерцевы юрты. В сказании братья-богатыри мастерили луки «из лиственницы толщиной в человеческую голову», «на тетиву шло 1,5 пуда конопли, а для проклейки ее варили клей из копыт 150 диких оленей», стрелы делали, вырвав березу «в руку толщины». Примечательно то, что, по легенде, братья «ездили на лосях». В ссоре младший брат убивает старшего, а затем и сам погибает. «И до сего времени на месте старых Пашерцевых юртах никто не селится», а потомки братьев уехали на Обь и поселились в юртах Пашерцевых [35, с. 23–24, прил. IV].

Любопытно, что первые две легенды о появлении северной группы *Пастыр ёх* включают сюжет погони за лосем, а в последней легенде предки-богатыри используют «ногастого зверя» в качестве транспорта. Охотники *Пастэр*, будучи приуральского (западного) происхождения, принесли на рр. Сосьва и Обь культ лося. О хозяине устья р. Вижая (пр. Лозьвы) *Вит ялмынг ойка* («Священной воды торум»), живущем у своего сына *Сау паул ойки* в селении Сав паул и представляющемся в образе лося (в виде небольшой фигурки лося, вылитой из олова), сообщает В. Н. Чернецов. *Вит ялмынг ойка* считается предком фамилии Елесиных. Другой сын *Вит ялмынг ойки* — *Леп тит ойка*, по преданиям, некогда переселился с р. Лозьва на Сосьву в устье р. Лэплы. Его изображением была деревянная фигурка лося. *Леп тит ойка* считался предком рода Сампильталовых, живущих в вершине р. Сосьва. Елесины и Сампильталовы называют свои роды «братскими» [31, с. 25–26; 30, с. 240]. В обличье лося, опираясь двумя руками на посохи (ноги) из ели и лиственницы, *Леп-тит ойка* является на медвежий праздник. При посещении святилища *Леп-тит ойки* В. Н. Чернецов обнаружил четыре старых культовых амбарчика, в одной из которых хранилась жертвенная посуда и топор для разрубания лосиных голов. Однако самого *Леп тит ойки* здесь не оказалась, не было ни его меча, ни свинцовой отливки лося с золотыми глазами и серебряной монетой, вставленной в живот. Найдены были лишь небольшой деревянный идол с серебряными глазами в суконных остроконечных шапках (сын?) и *Щах ойка* — боевой бронзовый молоток с железным клювом, завернутый в бесчисленные одежды [32, с. 201–202, 239].

Часть народа *пастэр* при продвижении на север, по-видимому, осела в районе Мужей, где в составе Аспукальского городка встречается фамилия Пасторовы [см.: 36]. К роду *Ас пухлын ёх* — «Обского поселка народ» или, как его иначе называют, «Обь долбящий народ» нижеобские ханты относят фамилии Тарагупта, Елескин, Конкин, Костин и Пасьмаров. По нашим полевым материалам, род *Ас пухлын ёх* ведёт свое происхождение от Елесиных (Елескиных). По сведениям В. Н. Чернецова, Елесины еще в начале XX в. проживали в верхнем течении Лозьвы [32, с. 14]. По легенде нижеобских хантов, двое Елескиных в старое время бежали от чумы и спустились на Обь с Урала. Оленей тогда много пало, они пришли в эти места пешком и остались здесь жить. Когда у одного из Елескиных умерла жена, он

женится во второй раз. Женщина была беременна и вскоре родила мальчика. Женщина и ее сын были родом с р. Нёс-юган (приток р. Сыня). От мальчика позднее пошли все Конкины. Поскольку его отчим-Елескин считал мальчика своим приемным сыном, Конкины относятся к роду *Ас пухлын ёх*.

Одним из родовых божеств *Ас пухлын ёх* является *Хорам ур нэ* (*Мис нэ*) — «Лесная Красавица», имевшая облик лосихи. По легендам, записанным в поселке Мужы у П. П. Русьмиленко (Елескиной) и в поселке Усть-Войкар у Е. К. Ребась (Конкиной) и Ф. А. Озелова, богиня Елескиных *Хорам ур нэ* была замужем за местным духом *Выл-посл ики*. Совместная жизнь *Хорам ур нэ* и *Выл посл ики* (*Сёпр ики*) не сложилась:

Однажды супруги поссорились. *Выл посл ики* ударил жену по голове, так что кровь побежала. Говорит *Хорам ур нэ* мужу: «Как мы дальше жить будем вместе? Пусть только один дымок в Выл-после останется». Забрала ребенка и пошла в сторону Анжи-горта. Пришла в деревню, ребенка распеленала, мокрую подстилку поменяла, чистую постелила (место, где она подстилку выбросила, названо Олакун пугор — «Постель ребенка меняла» и считается священным, там женщинам нельзя ходить).

Переехала *Хорам ур нэ* через р. Ай-вош-юган. Не доезжая до Мужей, ускорила шаг, а когда проходила по живуну Сойпиды-муши, ее нога провалилась в снег. Оглянулась *Хорам ур нэ* и увидела, что оставляет след в виде лосиного копыта. Перегрузив ребенка за плечи, побежала дальше в сторону вершины р. Войкар. Пришла к острову Юхлы пугор — «Без деревьев остров», остановилась, болотной водой смыла кровь со своей головы (из этого болота, женщинам нельзя воду пить).

Дошла *Хорам ур нэ* до середины Войкарского сора, на священном мысу решила передохнуть. Увидела орла-белохвоста, опускающегося на листовичный мыс. На листовичном мысу в священном болотце Емын тув она ребенка помыла. А ей голос говорит: «Зачем тут моешься, озеро-то священное. Старик-орел приходит сюда. Если ты на сору будешь мыться, где люди будут воду пить».

Побежала женщина-лосиха на озеро Ворчелор. Присела на отколовшийся от скалы камень, прозрачный как стекло (камень тот и сейчас там же находится, глядя в него, можно различить сидящую женщину с младенцем). *Выл послан ики*, следуя за женой, каждый раз наткался на освященные места. Шел-шел, и до камня добрался, говорит: «Жена, не стоит ссориться, что было, то прошло, собирайся, домой пойдём». «Нет, ты живи, как сможешь, а я буду жить своей жизнью», — ответила ему женщина-лосиха.

По одной версии, *Хорам ур нэ* оставила своего сына на мысе Нанк-кильды нель («Женщин поднимающихся мыс»), подумав: «Проезжающие ханты будут поры устраивать, может быть, рюмку здесь поставят». По другой, после ухода мужа, она вернулась в юрты Усть-Войкар и основала Ай вош пай — «Маленький городок». Сама ушла в Паль вош («Высокий городок»), а хозяином мыса и городка оставила своего сына.

Пельвожские Елесины, наряду с харпоскими Тобольчинами, считаются выходцами с р. Лев юган (Сев. Сосьва) и родственниками обдорских хантов *Пастор ёх*. Все эти родовые группы, по-видимому, относятся к одному мигра-

ционному потоку, получившему в североугорском фольклоре наименование «народа пастэр». Легенды о хождениях женщины-лосихи в какой-то мере рисуют пути передвижения пришельцев-пастэр. Поток переселенцев с запада или юга-запада — рек Лев-юган, Нёс-юган был долговременным. Вероятнее всего, переселение народа пастэр представляло одну из волн миграций с запада.

Миграции на Нижнюю Обь *лев охоль* (*ай лев охоль, пастэр*), вероятно, следует связывать с вытеснением сосьвинско-ляпинских хантов мигрантами-манси. По предположению З. П. Соколовой, еще в XVII–XVIII веках в бассейне Сев. Сосьвы и Ляпина проживали ханты, о чем, по ее мнению, свидетельствуют «отсутствие в прошлом браков с мансийским населением Конды, Пелыма, Лозьвы и Сосьвы», наличие хантыйской топонимики, сходство в языке и культуре северных манси и хантов, вхождение в Ляпинское княжество куноватских хантов, общее название «остяки» (а не «вогулы») для жителей Ляпина и Сев. Сосьвы [14, с. 120, 123; см. так же: 15, с. 86–87; 37, с. 214–215]. Вместе с тем, материалы переписей 1716–1858 гг. показывают, что в начале XVIII в. основные мансийские фамилии, известные и сегодня, уже проживали на рр. Сосьва и Ляпин. В отличие от Куноватской и Обдорской волостей, фамильный состав Ляпинской и Сосьвинской волостей был устойчивым, случаи замены старых и появления новых фамилий отмечаются крайне редко. Скорее всего, заселение сосьвинско-ляпинского бассейна манси (*охаль* — «вогул») произошло уже в XVII веке и, как свидетельствуют фольклорные материалы, носило характер, как военных захватов, так и мирных миграций. В то же время, по данным 4–7-й ревизий (в конце XVIII — начале XIX вв.), наблюдается «исчезновение» из Сосьвинской и Ляпинской волостей ряда фамилий, что, по-видимому, указывает на отток части угорского населения на север. Об этом же косвенно свидетельствует северная ориентация брачных связей жителей Ляпина и Сев. Сосьвы (с хантами Куноватской волости и некоторыми городками Обдорской волости — Аспукальский, Войкарский, Шурышкарский) [38, с. 148–154].

Походы «Людей городков» (*Хурун ёх*)

Кроме западного (сосьвинско-ляпинского) потока миграций фиксируется южный (обской). Почти у каждого рода нижнеобских хантов сохранились предания о приходе на их земли *хурун ёх* — «люди городков». Особенно широко подобные легенды распространены на Малой Оби, среди хантов войкарско-шурышкарской группы, и в самом нижнем течении Оби. Реже рассказы о «людях городков» можно услышать от хантов, проживающих по Большой Оби.

Вандиязский городок, расположенный на слиянии Малой и Большой Оби и известный в старину как «Наблюдательная деревня», был условной границей северных остяцких княжеств (обдорского и куноватского). По рассказам шурышкарских хантов, в городке *Лор вош* — «Соровой городок» (Шурышкары) проживал один из остяцких князей. По легенде, записанной А. Бушевичем у шурышкарских хантов, «еще теперь в юртах у остяков как святыня хранится переходящий из поколения в поколение пояс, предохраняющий весь род от козней врагов и злого духа. Раньше этот пояс хранился в юртах Вандиас, находившихся

как раз на границе двух враждующих между собою остяцких родов. В Вандиас жил постоянный сторожевой (пограничный страж) шурышкарских остяков и благодаря поясу все, что творилось в Вандиас, немедленно становилось известным шурышкарцам, так что враг никогда не мог застигнуть их врасплох. Но как-то раз случилось, вандиаская стража заснула; этим воспользовался злой дух, украл пояс и бросил его в лес. Застигнутые после этого врасплох шурышкарцы были разбиты врагом на голову, и лишь после розыска пояса им опять удалось освободиться от победителей» [39].

По записанной нами легенде, предводитель *хурун ёх* — *хурун урт* не раз пытался завладеть волшебным поясом [Л. Шиянов, юрты Шиян-пугор, Малая Обь, 1989]:

Однажды пояс попал в его руки. Улегся на пояс *хурун урт* и спрашивает: «Кто теперь сможет у меня пояс отнять?» Смотрит, а пояс уже на лиственнице висит. Стал дерево пилить, а из нее кровь пошла. Так и не достался священный пояс кодскому военачальнику.

К Соровому городку-крепости у Белой горы *хурун ёх* приходили не раз. Однажды пришедшие завоеватели, «увидев сор, подумали, что огромное войско стоит, воинов черным-черно, как великаны с копьями стоят». Испугались *хурун ёх* и ушли ни с чем. По преданиям, крепость на сору принадлежала роду *Лор вош ёх* — Кельчиным [Н. Кельчин, поселок Шурышкары, Малая Обь, 1989]:

Однажды Кельчины устраивали праздник (пори). Один из мужиков, шаман видимо, сказал, что война с *хурун ёх* близко подходит. Народу было много, решили караулить. Поставили на караул девочку и молодую женщину (только что сосватанную невесту — *мень нэ*), а сами спать легли. Идут на лодках *хурун ёх* и кричат по-утиному: «Кока-вуй-ю, кока-вуй-ю». Девочка говорит *мень нэ*: «Слышишь, как птицы всполошились, пойдем предупредим своих воинов». А *мень нэ* услышала, как начальник *хурун ёх*, заметив ее, сказал: «В красном платке, в красном платье женщина моею будет» — и девочку успокаивает: «Зачем будить, это утки кричат». Ночью *хурун ёх* налетели, всех спящими перебили — и мужчин, и женщин. Только один мужик остался, он в протоку нырнул прямо в малице и под водой как рыба ушел. За что его прозвали *Кельчи ху* — «Чебак» (сорога). *Хурун ёх* ниже по Оби спустились. *Кельчи ху* ждал, когда они обратно пойдут. Осенью возвращаются *хурун ёх*, а *Кельчи ху* их уже поджидает. В самой большой лодке одетый в железные одежды вождь *хурун ёх* сидит. *Кельчи ху* натянул лук, выстрелил в военачальника, от его мощного выстрела лодка перевернулась. Всех воинов *хурун ёх* он перебил и с *Хутли* горта (р. Оби) перешел в городок *Лор-вош* жить. От имени богатыря *Кельчи ху* и произошла фамилия Кельчин.

Среди нижеобских богатырей известен *Лонха лал ас вусты хуй* — «На лыжах незастывшую Обь переходящий человек» — Сибарев из рода *Кунжолон ёх*. Специально охотившиеся за богатырем *хурун ёх* убили его во время загонной охоты на уток из его же лука, так как для чужого оружия богатырь был неуязвим. При защите своей крепости представители рода *Юнг вош ёх* — «Ледяного город-

ка народ» (Сязи) обливали гору, на которой стоял их укрепленный городок, водой и по образовавшемуся льду скатывали на врага огромные бревна. Самые северные походы *хурун ёх* достигали р. Охсар-югана (Аксарки). Во время перестрелки богатырей из лога оторвало кусок земли, который от выстрела улетел на противоположный край, отчего лог напоминает чашу. По рассказам нижеобских хантов, один из остяков, живших по р. Охсар-юган, сумел перехитрить и истребить целый отряд воинов *хурун ёх*. Он спрятал свою жену в лесу, а сам насобирал дров, разложил их на полу землянки. Когда воины *хурун ёх* прошли в поселок, он пригласил их к себе в землянку, рассадил вокруг костра и стал угощать. Выбрав подходящий момент, хитрый мужик вышел из землянки, бревном привалил дверь и поджег жилище. Воины *хурун ёх* сгорели все до одного.

По свидетельству нижеобских хантов, *хурун ёх* приходили в Нижнее Приобье не только воевать, но охотно торговали с северными хантами. Свои изделия: большие лодки, инструменты, берестяную посуду обычно обменивали на олени шкуры и пушнину. В фольклорных материалах встречаются сюжеты об установлении брачных связей между северными хантами и *хурун ёх*. Так, по рассказам шурышкарских хантов, *Кельчи ху* ходил в земли *хурун ёх* и там женился, затем вернулся на родину; от его сына, рожденного от женщины *хурун ёх*, происходит одна из ветвей рода Кельчиных — *Хутли ёх*. Считается, что все *хурун ёх* приходятся им родней.

Вероятно, набеги воинственных «людей городков», описанные в преданиях нижеобских хантов, можно сопоставить с походами кодских князей, посредством которых собиралась с северных княжеств дань для Москвы. В фольклоре имеются указания на существование зависимости обдорских и куноватских хантов от Коды. По легенде шурышкарских хантов, вождь *хурун ёх* после победоносного похода собрал людей Шурышкарских юрт на сход, а затем отправил трех верных ему богатырей в разные места для поддержания порядка: *Наков-ики* — в Пароват, *Ишмат-ики* — в Милексим и *Шиян-ики* — в Шиянпугор.

Как отметил А. В. Головнев, «трудно определить северную границу походов Кодских хантов, будь то военные нападения или полюдь» [16, с. 113]. Во всяком случае, можно считать, что «люди городков» своими притязаниями на северные территории или контролем над ними открыли путь следовавшим за ними мирным переселенцам. Вполне возможно, что за походами кодских военных отрядов последовали новые волны южных мигрантов, пополнивших нижеобскую группу «проточных людей» — *послан ёх* («проточных людей»).

* * *

Основные пути заселения уграми Нижнего Приобья шли с запада (через Урал) и юга (по Оби). Западные переселенцы именуется в фольклоре *мось, лев охаль, ай-лев охаль, пастэр ёх*, южные — *пор, послан, похрын, хурун ёх*. Представляется правомерным вывод Е.И.Ромбандеевой о несинхронности и разномаршрутности проникновения народа *мось* в Зауралье с территорий Приуралья (Припечорья) [29, с. 43]. То же самое можно сказать и о южном потоке миграций.

Вероятно, начало массовых переселений угров на север из Приуралья и из среднетаежного Приобья было связано с христианизацией. По заключению

И. Г. Георги, миссионерская деятельность Стефания Пермского побудила в конце XIV века «большую половину пермяков и зырян, в Великой Пермии живших, покинуть привольные свои, на западной стороне Уральских гор, места и перейти в суровые северные, около реки Обь, страны, где они теперь от кондырей не отличаются, но вместе с оными называются остяками» [40, с. 66]. Одним из очагов оседания беглых язычников стал район Кодских городков (Большой Атлым), куда они пришли во главе со своим «главным жрецом» Памою. Три с небольшим столетия спустя потомкам беглецов пришлось испытать на себе новую волну христианизации — жители Большого Атлыма с луками в руках не позволяли пристать к берегу судну, на котором прибыл «сибирский апостол» Филофей Лещинский [41, с. 41–42]. 30 человек бежали от крещения «за Обдорск, в Воксарковы юрты, и там поселились» [42, с. 12].

Новый этап миграций был обусловлен экономическим фактором — развитием рыбопромышленности. Рост населения и поиски лучших рыболовных и охотничьих угодий приводят к движению населения в низовья Оби. К примеру, остякам Пашерских юрт (роду *Пастэр ёх*) принадлежали лучшие угодья в низовьях Полуя — «важанный запор с несколькими сорами и 3 озера на Мохтылёвой протоке, отдаваемые в аренду» [43, с. 11–12]. Остяки Надымских юрт, по словам купца Ф. Н. Карпова, просили его принять в аренду их рыболовные вотчины, «с тем, чтобы оные не могли взять Березовские купцы», которые приглашают «инородцев другой волости обневаживать их места» — «купают невода у верховских остяков и увозят их для промыслов в чужие низовые места, через что разоряют инородцев» [44]. О пришельцах *лев охаль* писал А. И. Якобий: «Внизу Оби нередко можно найти людей (Вогулов) из Ляпинской волости: приедут на лето для рыбы и остаются — кто войдет в родство с владельцами, — женятся и живут» [45, с. 15].

Часто рыболовные и охотничьи угодья покупались пришельцами. В состав одного из северных родов *послан ёх (похрын ёх)* входили фамилии Тарымов и Серасхов. О формировании рода *послан ёх* известно, что «чистыми» в этом роде считаются только Тарымовы. По преданию, Серасховы во времена потопа пришли с р. Сыня. Фамилия Серасховы происходит от названия *Серас ёх* (или *Серас лал*) — «Торговый человек». В старину Серасховы были богатым народом и приходили в эти места торговать. Местные остяки Тарымовы имели богатые сора, где велась загонная охота на линную птицу. Серасховы, купив у них несколько озер, осели в этих местах и породнились с Тарымовыми. Промысел на этих сорах был так обилен (в один загон добывали по несколько тысяч голов линной птицы), что поохотиться «на паях» сюда приезжали родственники Серасховых с р. Сыня. Мясо птицы сушили, а зимой продавали, ездили перегонами до Самарово. С организацией такого эффективного промысла Серасховы брали в аренду на сезонный промысел угодья катравожских хантов.

Споры за рыболовные угодья между местным населением и пришельцами продолжались и в советское время. К примеру, при обследовании в 1927–1929 гг. экспедицией Общества изучения края при музее Тобольского Севера выясняется, что «значительная часть населения собственно бассейна р. Казыма по опросным сведениям до 80-х годов при 410 душах обоего пола за недостатком

рыболовных угодий в казымских «вотчинах» выезжает ежегодно на Обь... Это явление вызвано тем, что мощный горный сор Шижим-лор (ранее именовавшийся Казым-лор), административной практикой 1913 года был изъят от казымцев и передан вогульским выходцам с Ляпина — Мингетнелус 12 ловцами, а административная практика со временем даже включила сор в границы Обдорской волости», «в целях устройства Казымского туз. Района» Общество изучения края рекомендует «включение плеса Горной Оби до устья Куновата в территорию района с предоставлением Казымцам пользования издревне освоенным Казым-лора (ныне Шижин-лор или Зажимгар)» [46].

Первые потоки угров-мигрантов (*мось ёх* и *пор ёх*) в Нижнее Приобье были перекрыты последующими движениями переселенцев как с запада (лев охаль, пастыр ёх), так и с юга (более поздние потоки *послан ёх*, следовавшие за военными походами *хурун ёх*). Наслаиваясь один на другой, эти потоки миграций создали в Нижнем Приобье пеструю этническую картину. В состав северной группы нижнеобских (обдорских) хантов вошло самодийское население (*ур ёх*), а сами угры-мигранты представляли собой смешение различных по происхождению «южных» и «западных» групп.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соколова З. П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М., 1982.
2. Соколова З. П. Миграционные процессы и их факторы у обских угров в прошлом // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.
3. Миненко Н. А. К вопросу о расселении и родовом составе народов Нижнего Приобья в XVIII в. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Вып. 2. № 6. Новосибирск, 1969.
4. Головнев А. В. Социально-экономические аспекты ненецко-угорских контактов // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988.
5. Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Зап. РГО. Кн. 12. СПб, 1857.
6. Кушелевский Ю. И. Северный полюс и земля Ялмал. СПб, 1868.
7. Ежегодник Тобольского Губернского музея. Тобольск, 1902.
8. Бартнев В. В. На крайнем Северо-Западе Сибири (Очерки Обдорского края). СПб, 1896.
9. Житков Б. М. Полуостров Ямал // Зап. ИРГО по общей географии. Т. 49. М, 1913.
10. Дмитриев-Садовников Г. М. Река Надым // ЕТГМ. Вып. 29. Тобольск, 1918.
11. Городков Б. Н. Краткий очерк населения крайнего Северо-востока Западной Сибири // ИРГО. Т. VIII. Вып. 2. 1926.
12. Крупник И. И. Арктическая этноэкология. М., 1989.
13. Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993.
14. Соколова З. П. Ляпинско-сосвинская группа манси по материалам брачных связей в XVIII–XIX вв. // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.

15. Бабаков В. Г. Территориально-племенные общности обских угров и нарымских селькупов (XVII–XIX вв.). Канд. дис. М., 1973.
16. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
17. Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям. СПб., 1891.
18. Иринарх (И. С. Шемановский). Хронологический обзор // Православный благовестник. № 2. 1910.
19. Иринарх (И. С. Шемановский). Хронологический обзор // Православный благовестник. № 4. 1910.
20. Карцов В. Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. М., 1937.
21. Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири (составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году). СПб., 1882.
22. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // ТИЭ. Новая серия. Т. L. М., 1960.
23. ТФГАТО. Ф. 154. Д. 43. Л. 56–57об.; Д. 404. Л. 81об.–86; Д. 756. Л. 224об.–225; Д. 992. Л. 717об.–719.
24. Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. Т. II. SPb., 1900.
25. Мифы, предания, сказки хантов и манси. Составитель Н. В. Лукина. М., 1990.
26. Васильев В. И. Куноватские ненцы: опыт этнической реконструкции // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978.
27. Старцев Г. Остяки: социально-географический очерк. М., 1928.
28. Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонистический миф) // Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 5. Народы уральской языковой семьи. М., 1991.
29. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993.
30. Юданов И. Г. Река Сыня и ее значение для рыболовства Обского Севера // Работы Обь-Иртышской научной рыбохозяйственной станции. Тобольск, 1932.
31. Молданов Т. А. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск, 1999.
32. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.
33. Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. № 2. 1939. С. 20–42.
34. ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 8–10. Д. 404. Л. 14об. – 16; Д. 756. Л. 150об. – 154об.
35. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 3. Тобольск, 1911.
36. ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 144–116; Д. 404. Л. 639об.–644; Д. 756. Л. 150об.–154, Д. 992. Л. 513об.–517.
37. Бабаков В. Г. Манси // ВИ. 1973. № 4.
38. Перевалова Е. В. Этническая история северных хантов (обдорско-куноватская группа) в XVII — начале XX вв. Канд. дисс. Екатеринбург, 1997.
39. НА ТГИАМЗ. № 23. Л. 16.
40. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 1. СПб., 1776.
41. Сулоцкий А. Жизнь святителя Филофея, митрополита Сибирского и Тобольского, просветителя сибирских инородцев. Шамардино, 1915.

42. Абрамов Н. А. О введении христианства у березовских остяков // Журнал министерства народного просвещения. 1851. Ч. 72. № 10–12.
43. Хондажевский Н. К. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарово и северных тундр между Обскою губою и Сургутом // Зап. ЗСО РГО. Кн. 2. 1880.
44. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 41. Д. 418. Л. 7–7об.
45. Якобий А. И. Остяки северной части Тобольской губернии // ЕТГМ. Вып. 4. 1895.
46. НА ТГИАМЗ. № 1010.

WARS AND MIGRATIONS OF THE NORTHERN KHANTY (ON FOLKLORE MATERIALS)

In the folklore of the lower Ob Ugrians there are a lot of legends tales reflecting the formation of the northern group of the Khanty. The main routes of the Ugrian settlement in the lower Ob region were from the west (across the Urals) and the south (along the Ob). The western migrants were called in the folklore the *mos*, *lev okhal*, *ay-lev okhal*, *paster jokh*, and the southern — *por*, *poslan*, *pokhryn*, *khurun jokh*. It is known that over the past several hundred years the Ugrians migrated mostly in the northern and the eastern direction. In the northern Ob region migrations were predominantly from the West (from the Ural area) and the south (middle taiga Ob region). Though the folklore materials do not allow to establish accurate dates, and the sequence of the migration waves can only be assumed from the interrelated stories, comparison of the latter to the historical events (e.g. the campaigns of the Koda warriors), or from the indirect reference to their antiquity (e.g. reference to the time of the Flood).

E. V. Perevalova